

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Совет молодых ученых

Научно-методический отдел по работе с молодыми учеными
и специалистами университета управления
научных исследований СПбГУ

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы

*14-й международной конференции
молодых ученых 26–30 декабря 2005 г.*

В 2 частях

Часть I

Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

О ПЕРЕПИСКЕ Л. Н. ГУМИЛЕВА И Б. С. КУЗИНА

Переписка известного историка, этнолога, географа Л. Н. Гумилева и крупного биолога Б. С. Кузина¹ состоялась в 1966–1970 гг. Подробности их знакомства неизвестны. Очевидно, они встретились в окружении Ахматовой. В 1933 г. Гумилев и Кузин вели беседы в Зоологическом музее, а затем они возобновили общение в 1966 г.² В период переписки ученые несколько раз встречались: в мае 1967 г., в мае 1970 г. Другой информации об их личных встречах нет, хотя Гумилев еще несколько раз собирался приехать в Борок, о чем сообщает в письмах. Основными темами переписки были проблемы теории пассионарности, работа на стыке наук, отношение к ведению дискуссий, оценка генетики и личности Н. В. Тимофеева-Ресовского, изучение немецких ученых-номадистов, рецензии Кузина на работы Гумилева, значение О. Э. Мандельштама для Кузина.

Фрагменты писем Л. Н. Гумилева к Б. С. Кузину были опубликованы в сборнике Кузина «Воспоминания. Произведения. Переписка»³. Однако отсутствует комментарий к письмам, вступительная статья посвящена всей переписке Кузина и подробно вопрос о взаимоотношениях Гумилева и Кузина в ней не освещен. Всего было опубликовано 18 писем Гумилева к Кузину за 1966–1970 гг. В мемориальном музее-квартире Л. Н. Гумилева хранятся

Воронович Алексей Владимирович — студент исторического факультета СПбГУ (e-mail: avoron00@yandex.ru)

22 рукописных письма Кузина к Гумилеву за период 1967–1970 гг. Таким образом, возникает возможность более полной характеристики переписки Гумилева и Кузина.

Основной темой переписки являются вопросы теории пассионарности. Как и в случае с Н. В. Тимофеевым-Ресовским⁴, Гумилев искал подтверждения своей теории у биологов. Прежде всего, остановимся на проблемах, связанных с реакцией Кузина на статьи Гумилева об этногенезе, опубликованные в журнале «Природа». Отношение Кузина и Гумилева к привлечению генетиков для развития теории будет раскрыто ниже. Отметим реакцию Кузина на статьи Гумилева в журнале «Природа» в 1970 г. В письме от 9 марта 1970 г. Кузин пишет, что считает наблюдения Гумилева верными и что статья ему очень понравилась по форме. Однако ученый-биолог останавливается на недостаточности данных для раскрытия механизма процессов, описываемых Гумилевым, и неспособности биологов внести новое слово в этот вопрос. Кузин рассуждает в письме о реакции историков и биологов на статью. Он пишет, что историки Гумилеву позавидуют, а генетики и геохимики обрадуются, что их идеи правильно поняты и применены в историческом исследовании. Гумилев в ответном письме от 20 марта 1970 г. соглашается с мнением Кузина: «... зависть историков перешагнула границы приличий, а естественники начали проявлять ко мне симпатию»⁵. О термине «пассионарность» Кузин пишет в письме от 9 марта 1970 г.: «Мне только кажется, что с пассионарностью у Вас произошло что-то странное. Ваше конечное определение: «пассионарность это — органическая способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы» — правильное считать не определением, а просто одной из характеристик всех организмов вообще. А в применении к отдельному человеку эта характеристика заменяема простым указанием степени его энергичности, трудоспособности, страстности и т. п. Не знаю, насколько правильно, но я понял в свое время пассионарность как сильное и агрессивное стремление к самоутверждению». На вопрос Гумилева в письме от 11 октября 1970 г. о появлении пассионарности на продолговатых регионах земной поверхности Кузин в письме от 29 октября 1970 г. рекомендует Гумилеву обратиться к популяционным историкам. Вся переписка двух ученых строится вокруг теории пассионарности, однако позиция Кузина по данному вопросу так и остается не до конца выясненной.

Другая тема переписки — работа на стыке наук. В письме от 28 января 1967 г. Гумилев пишет: «Моя страсть — работа на стыке наук. Как я справился с географией и филологией, вы прочли, а о биологии я расскажу вам при встрече, чтобы потом начать писать»⁶. В письме от 10 июня 1967 г. Гумилев сообщает, что ему поручили сформировать юбилейный сборник Географического общества и самому определить его направление. Он выбрал «стык наук». Он предлагает Кузину опубликовать в этом сборнике его статью «Принцип поля»⁷. В письме от 28 июня 1967 г. Кузин отвечает: «Идеи о рождении великих открытий на стыках разных наук необычайно теперь модны. Уже одно это заставляет относиться к ней с большим подозрением». В последующих письмах Кузин повторяет эту мысль. В письме от 24 июля 1967 г. он пишет, что «приверженные любой моде не отличается критицизмом»; что работа на стыке наук может быть полезна в вопросе аналогий, но переносить методы из одной области в другую недопустимо, а с идеями и понятиями надо быть крайне осторожным. Кузин отказывается публиковать свою работу «Принцип поля», ссылаясь на ее недоделанность (он получил письмо Гумилева от 10 июня уже после 28 июня, поэтому в предыдущем письме нет упоминаний о статье). В письме от 17 июня 1969 г. Кузин отмечает, что биологам работа на стыке наук положительных результатов не принесла. Гумилев же всегда стремился работать именно на стыке наук.

Гумилев и Кузин рассматривали проблемы науки генетики и личность Н. В. Тимофеева-Ресовского как ученого. Кузин скептически относится к генетике и не раз отмечает это в письмах. В письме от 10 января 1968 г. он пишет, что генетика является одним из разделов физиологии, однако ученые-генетики стремятся расширить свое поле деятельности, используя методы, характерные только для физиологии. Поэтому результат их деятельности получается «жалкий». Гумилев в ответном письме от 16 февраля 1968 г. соглашается с подобной позицией, но отмечает, что «испробовать путь современной генетики надо до конца»⁸. В письме от 17 июня 1969 г. Кузин рассматривает генетику в контексте общего развития науки, т. е. ее направленности на специализацию и одновременно на все большую массовость. Когда математики и физики стремятся разобраться в биологии, они обращаются к ученому, говорящим на более близком им научном языке — физиологам, биохимикам или генетикам и добавляет, что последние наиболее «модны». А далее пишет,

что «именно генетики отличаются особой тупостью и, по-видимому, органической неспособностью понимать жизнь, а последнее как раз и роднит их с хозяевами современной науки — физиками, химиками и математиками. Таким образом, биология и гуманитарные науки уже стали жертвами специализации и массовости науки». Кузин в письме от 9 марта 1970 г. пишет, что «биология, какую Вы познали с помощью генетиков, которые принципиально и профессионально чуждо познание самой сути жизни, не годится даже для освещения фактов зоологии и ботаники, а уж тем более — истории». В этом же письме Кузин отмечает, что генетики близки к выявлению только химических характеристик организмов, но до понимания механизма наследований формы и поведения они еще очень далеки. В письме от 28 июня 1967 г. Кузин советует Гумилеву не искать поддержки в биологических вопросах ни у него (противника генетики), ни у Тимофеева-Ресовского (одного из ведущих генетиков), так как крайне маловероятно, что биология как-либо поможет в исторических вопросах. Гумилев в ответном письме от 10 июля 1967 г. замечает, что он между ними «как Одиссей между Сциллой и Харибдой». В письме от 17 июня 1969 г. Кузин пишет, что «Тимофеев-Ресовский — далеко не худший, а, скорее, один из лучших представителей генетики. Он много образованнее других, а главное — сильно пассионарен и красноречив, а по своей биографии он к тому же фигура романтическая». При характеристике Тимофеева-Ресовского в письме от 31 декабря 1967 г. Гумилев пишет, что тот «хочет свести новое к уже известному»⁹.

Не совпадает у двух ученых и отношение к ведению дискуссии, отстаиванию своей позиции, активной публикаторской деятельности. В письме от 24 июля 1967 г. Кузин пишет, что ему важнее вырабатывать мысли, чем позже «изрекать их»; что для него главное — «беседа (и письменная и устная)», чтобы вызывать новые мысли, но не доказывать свои идеи. В подтверждение он говорит об отказе от написания доклада для совещания об объеме и содержании понятия «вид» (состоялось в Ленинграде зимой 1967 г.), ссылаясь на то, что все уже сказал в предыдущих работах, а доказывать свою точку зрения он не собирается. В ответном письме от 3 августа 1967 г. Гумилев утверждает, что «хочу писать, печатать, а без этого мне свет не мил»¹⁰. В письме от 23 июня 1970 г. Кузин отмечает: «Нужно еще об очень многом сказать. Пусть хотя бы только для ящика своего письменного стола, а после него — для мешка утиль-

щика или для сортира». В письме от 29 октября 1970 г. он пишет, что целью любого научного спора является не переубеждение противника, а желание сказать последнее слово. И когда он прекратил добиваться этого, то у него появилось больше времени для развития своих научных идей, а его противники перестали относиться к нему враждебно. Он не стремится заставить Гумилева отказаться от ведения споров с противниками, но отмечает, что если тот откажется от ведения дискуссий, то ему удастся легче довести работу до завершения. Гумилев, будучи в лагере, во время серьезной болезни составил завещание от 25 марта 1954 г., согласно которому в случае своей смерти просит об издании книги «История Хунну», при этом авторство позволяет опустить, а если издание невозможно, то разрешить студентам и аспирантам использовать материалы работы без ссылки на его имя¹¹. При ведении научных дискуссий в области истории Гумилев руководствовался скорее вопросами исторической истины в его понимании, а не стремлением оставить последнее слово за собой или тщеславием.

Созвучным этой теме является вопрос о написании и публикации Кузиным работы «Упадок систематики». В письме Гумилеву от 25 декабря 1967 г. он пишет: «Некоторое время назад я сильно возмутился кретинизмом зоологов, рассуждающих о систематике и об эволюции, и решил высказать свое возмущение вслух. Стал писать довольно обстоятельную статью. Но обдумывание способов высказывания, удобного для помещения статьи в печать, очень быстро лишило меня вдохновения, с каким я было принялся писать. Тогда я на это плюнул и мне сразу стало веселей. Пишу вполне серьезно. Верно, срочные государственные дела вот уже месяца два оторвали меня от писания. Но как только сделаю все необходимое, опять примусь за эту работу. И появится еще одно сочинение для хранения в ящике моего стола. Сообщая Вам об этом, знаю, что Вы будете негодовать. Но очевидно, каждый из нас настроен на свой манер». В письме от 10 января 1968 г. он сообщает, что работа по написанию статьи продвигается крайне медленно. В письме от 5 октября 1970 г. ученый извиняется перед Гумилевым, что возникают трудности с отправкой экземпляра статьи с исправленными ошибками. Дальнейшая история статьи туманна. Существует предположение, что усилиями Гумилева она все же была опубликована в тот период времени в одном из научных сборников, что вызвало недовольство со стороны Кузина. Однако проверить ее не удалось.

Известно, что в 1992 г. статья Кузина «Упадок систематики» была издана в журнале «Природа»¹² И. Я. Павлиновым по рукописи из архива М. А. Давыдова.

Ученые высказывают мнения о немецких ученых-номадистах. Кузин советует Гумилеву изучить немецких авторов в письме от 5 июня 1970 г. и называет несколько немецких журналов. В письме к Кузину от 17 июня 1970 г. Гумилев отвечает, что немцы по номадистике сильно отстали от советских ученых, французов и англичан.

Для Гумилева была важна оценка Кузиным его работ. О рецензии на статьи Гумилева, опубликованные в журнале «Природа» в 1970 г., уже писалось выше. Оригинальную характеристику одной из работ Гумилева дает Кузин в письме от 10 января 1968 г.: «Спасибо за «Доклады». Я получил их только вчера и еще не успел прочитать Ваши статьи. Но с первой же фразой первой статьи я не согласен в самой ее основе, хотя с общепринятой точки зрения в ней нет ничего одиозного. Я вижу, как биологи, прочитавшие ее, одобрительно кивают головами». В письме от 21 декабря 1970 г. он говорит о получении и прочтении книги Гумилева «Поиски вымышленного царства»¹³. Кузин отказывается от рецензирования содержания книги, так как «в ней идет речь о народах и племенах, а также о событиях, значительная часть которых мне просто неизвестна. Поэтому любое мое суждение о книге может оказаться плодом элементарного невежества». Кратко отмечает высокое литературное мастерство Гумилева.

Кузин был близким другом О. Э. Мандельштама, но упоминает его только в одном письме. В письме от 21 января 1970 г. Кузин говорит о священности имени поэта, неприятии зарождающегося его культа и о воспоминаниях Н. Я. Мандельштам. Он отмечает, что «Верно, по-видимому, и наблюдение Н. Я., что О. Э. избегал говорить о вещах и именах для него священных... Видимо, так обстоит дело и у меня самого. И в этом, пожалуй, кроется разгадка, почему я вдруг, без всякого повода, прекратил общаться с Н. Я., зная даже, что это может быть истолковано как трусость. Да так оно почти навверное и истолковано. — Имя О. Э. для меня священо. А всякий культ — профанация его предмета». В письме от 26 января 1970 г. Гумилев пишет, что все его общение с Н. Я. Мандельштам свелось к визитам во время его пребывания в Москве. Больше они этой темы не затрагивали, но ее нельзя не от-

метить, так как она полностью раскрывает позицию Кузина в этом вопросе.

Хотя мнения Л. Н. Гумилева и Б. С. Кузина не сходились по большей части проблем, которые они затрагивали в переписке, она была достаточно оживленной, ученые умели понять иную точку зрения и отнестись к ней с уважением. Их дискуссия, таким образом, была для обоих сродни той «беседе», которая вызывает новые мысли и к которой всегда стремился Кузин.

---

¹ Кузин Борис Сергеевич (1903–1975) — крупный ученый, биолог-ламаркист. Родился 11 мая 1903 г. в Москве. Его отец — Сергей Григорьевич — был бухгалтером, мать — Ольга Бернардовна — занималась музыкой. Детство Кузина прошло в Москве, в 1910 г. семья переехала за город, на станцию Удельная. Еще в гимназические годы он стал собирать и систематизировать насекомых. Учился в Малаховской гимназии, где овладел тремя языками, в 1920 г. поступил в Московский университет, после его окончания работал на кафедре зоологии. Летом 1930 года Кузин познакомился в Эривани с О. Э. и Н. Я. Мандельштамами; между ними завязалась дружба, которая не прекращалась вплоть до вынужденной разлуки — в 1934 г. был отправлен в ссылку Мандельштам, в 1935 г. арестован Кузин. Он был осужден на три года, заключение отбывал в казахстанском лагере, а затем почти шестнадцать лет, до 1952 г., провел в ссылке в тех же местах. Последние 23 года Кузин прожил в г. Борок Ярославской области, где работал заместителем директора по науке Института биологии внутренних вод.

² Давидов М. А. Предисловие к переписке Б. С. Кузина // Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. СПб., 1999. С. 441.

³ Из писем Л. Н. Гумилева к Б. С. Кузину // Кузин Б. С. Воспоминания. . . С. 503–512.

⁴ Основной темой переписки Л. Н. Гумилева с выдающимся биологом, генетиком Н. В. Тимофеевым-Ресовским в 1967–1969 гг. было обоснование теории этногенеза с позиций генетики. Планировалась совместная статья двух ученых по данному вопросу, но она не была завершена (*Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С. 46–55; № 2. С. 43–50*).

⁵ Из писем Л. Н. Гумилева Б. С. Кузину. С. 511.

⁶ Там же. С. 503.

⁷ Там же. С. 505.

⁸ Там же. С. 506.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Гумилев Л. Н. Завещание. Для оперуполномоченного или следователя. 25 марта 1954 г. // Вспоминая Л. Н. Гумилева. СПб., 2003. С. 219.*

¹² *Кузин Б. С. Упадок систематики (Система, эволюция, мультимодация) // Природа. 1992. № 5. С. 80–88.*

¹³ *Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.*